

О ВАРИАТИВНОСТИ И СИНОНИМИИ В ТЕРМИНОЛОГИИ¹

© 2014 г. С. Д. Шелов

В работе представлены разнообразные точки зрения на соотношение терминологических вариантов и терминологических синонимов. Предлагается понимать вариативность терминов более широко, чем это принято, и включать в варианты термина его категориально различные формы, для чего вводится понятие категориального варианта термина. Показана связь проблематики терминологической вариативности с некоторыми понятиями общей семантики и синтаксиса. Даны дефиниции понятий ‘синонимия терминов’, ‘дублетность терминов’, ‘эквивалентность терминов’, ‘вариативность терминов’ и описаны их соотношения.

The paper presents various viewpoints on term variants, term synonyms and correlations between them. It is proposed to interpret term variability more widely than it is generally accepted and to take categorial forms of conceivably the same term as its variants. Definitions of the concepts ‘synonymous terms’, ‘doublet terms’, ‘equivalent terms’ and ‘variant terms’ are given and relationships between them are analyzed.

Ключевые слова: терминология, терминологические варианты, терминологические синонимы, терминологические дублеты, терминологические эквиваленты.

Key words: terminology, variant terms, synonymous terms, equivalent terms, doublet terms, categorial term variant.

В обобщающей работе Н.С. Бабенко, Э.Ф. Володарской, Е.И. Кириленко и др. о вариативности языковых единиц ее авторы констатируют: “Исследование разных видов языкового варьирования сыграло важную роль в лингвистике XX в., что проявилось в той или иной степени в различных ее направлениях”, одновременно справедливо отмечая, что “... при углубленном изучении вариантности обнаруживаются существенные расхождения в ее трактовке” [1, с. 8, 10]. В работе [2] был представлен обзор точек зрения отечественных авторов на вариативность на специфическом материале терминологии. Выясняется, что имеется весьма широкий диапазон мнений по вопросу о том, какие термины считать вариантными, причем некоторые из мнений по этому поводу прямо противоречат друг другу. В сжатом виде приведем здесь основные выводы этой работы, упоминая при этом фамилии авторов, но для краткости не ссылаясь на соответствующие работы.

1.1. Вариативность и синонимия в терминологии полностью отрицаются (Е.Н. Толикина).

1.2. Терминологической вариативности и синонимии не приписывается какого-либо точного терминологического значения, что позволяет говорить об одних и тех же явлениях то как о синони-

мических вариантах, то как о вариативных синонимах (вариантах-синонимах) (В.П. Даниленко).

1.3. Различие между вариативностью и синонимией терминов (не обязательно подразумевающее их взаимное исключение) постулируется, однако выяснить, в чем же оно состоит, не удастся (И.М. Жилин, И.И. Михина, Н.А. Шурыгин).

1.4. В некоторых случаях терминологическая вариативность допускается и составляет предмет исследования тех или иных работ и при этом она трактуется как явление более общее, чем синонимия (В.М. Лейчик, Ю.В. Сложеникина, В.А. Татаринов и др.).

1.5. В других случаях терминологическая вариативность допускается и, образуя предмет исследования, она трактуется как явление более частное по сравнению с синонимией (С.В. Гринев-Гриневич).

1.6. Некоторая часть исследователей вообще не видит возможности устанавливать родовидовые (гиперо-гипонимические) отношения между синонимией терминов и их вариативностью, полагая, что это – явления разного порядка (Е.А. Иванникова, Е.В. Маринова).

1.7. Наиболее исследованным в настоящее время является вопрос о формальной вариативности терминов, хотя его решение нельзя считать

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 11-24-01001а/Bel).

единым и общепризнанным. Вопрос о семантической (смысловой) вариативности терминов и, соответственно, о наличии у одного и того же термина нескольких вариативных значений значительно более спорен, и даже правомерность самой его постановки вызывает сомнения. Наименее изученной и наиболее спорной, по-видимому, остается смысловая вариативность терминов-словосочетаний не только в связи со спорностью вопроса о семантическом единстве термина, обладающего различными значениями, но и в связи с многомерностью и многофакторностью семантических отношений между лексическими и синтаксическими составляющими терминов-словосочетаний.

К этому необходимо добавить, что, кроме терминов и понятий вариативности и синонимии, в понятийном арсенале терминоведения имеются также примыкающие к ним номинации **дублетности (дублетов)** и **эквивалентности (эквивалентов)**, отношения которых к **вариативности и синонимии** и между собой принципиально зависят от уточнения этих последних.

2. Подобное разнообразие мнений, их противоречивость и неразработанность вопроса о понятийной (семантической) вариативности терминологии, как нам представляется, действительно требует уточнения соответствующих понятий и выяснения их соотношения. При этом мы исходим из необходимости введения определений соответствующих понятий и необходимости строго придерживаться этих определений в дальнейшем – как в ходе их применения к конкретному языковому материалу, так и при обсуждении их соотношения. Далее, до формулирования необходимых дефиниций, мы предварим собственное понимание поставленного вопроса некоторыми общими замечаниями².

2.1. Представляется, что уточнения, касающиеся понятийных границ терминов “вариативность термина”, “синонимия термина”, не должны входить в противоречие с естественным пониманием в общем языке этих слов и, тем более, тех же слов, их однокорневых и производных – “**синоним**”, “**синонимия**”, “**вариант**”, “**вариантность**”, “**вариативность**” – как терминов в лингвистике. Более того, желательно, чтобы будущие уточнения опирались на это исходное понимание и служили его частным проявлением, как это обычно и бывает со специализированными терминами. Поэтому мы, во-первых, солидарны с той общей

идеей вариативности языковых единиц, которая содержится в работах [1–7], и, во-вторых, хотели бы, чтобы применение этой идеи к конкретному терминологическому материалу приводило бы, действительно, к частному случаю вариативности языковых знаков. Сказанное справедливо и для понимания терминологических единиц “синонимия терминов”, “полисемия терминов”, “омонимия терминов”, которые, как представляется, не должны выходить за достаточно широкие рамки полисемии и омонимии языковых знаков в традиционном понимании этих явлений.

Все сказанное позволяет сформулировать несколько общих принципов, которыми мы будем руководствоваться.

2.1.1. Вариативность терминологических единиц существует только на уровне слов и словосочетаний, имеющих значительную общую часть и по форме и по содержанию; не существует вариативности “терминологических фонем”, “терминологических морфем” или “терминологических синтаксических конструкций” (хотя вариативность терминов может объясняться фонологическими, морфологическими или синтаксическими факторами).

2.1.2. Для решения вопроса о квалификации отношений между терминологическими единицами как отношений вариативности или синонимии актуальны положения А.А. Реформатского о термине как слуге двух хозяев – науки, той или иной тематической области, *logos*’а, с одной стороны, и общего языка *lexis*’а, – с другой [8; 9; 10]. Эта разноаспектность термина может и должна лечь в основу различения синонимии и вариативности терминологии, с одной стороны, и иных внеязыковых отношений, скажем, денотативной эквивалентности – с другой. Терминологическая вариативность и синонимия, в конечном счете, обусловлены тем, что идет от общего языка, от *lexis*’а, хотя, разумеется, и “признается” в системе специального знания. Наоборот: все, что связано с системой профессионального, так или иначе, специального знания, не характерного для общего языкового сознания, связано с *logos*’ом и только с ним, – вряд ли целесообразно возводить к лингвистическим категориям вариативности и синонимии. Соответственно, вариативность и синонимия терминов обусловлена механизмом общего языка и устанавливается с помощью общих языковых знаний, без обращения к специальным знаниям в той области, которую представляют соответствующие термины. Главную роль здесь играют факты общего языка, лексика и грамматика которого (в самом широком смысле

² Языковой материал иллюстраций, приводимых ниже, как это принято, выделяется *курсивом*, а информационно наиболее важные фрагменты текста – **полужирным шрифтом**.

этих слов) и обуславливают функционирование терминов-вариантов. Поэтому, будучи встреченными в тексте, **термины, вариативные по форме**, распознаются как таковые на уровне владения общим языком, а их специальное содержание не требует запоминания во всех случаях, кроме одного единственного, когда оно было задано определением (толкованием или объяснением). Аналогично, **термины, вариативные по содержанию**, по той же причине понимаются без специальных дефиниций, а в силу того контекста, который их содержит, плюс предсказанные правилами общего языка изменения в содержании (значении, семантике) термина.

Подобным образом и терминологическая синонимия продиктована чисто языковыми фактами лексической синонимии в общем языке, а не знанием предметной области. Так, среди примеров ряды *лексика* (в одном из значений) – *словарь*, *полисемия* – *многозначность*, *согласная* – *консонанта* (или *консонант*), *терминосистема* – *терминологическая система*, *языкознание* – *языковедение* – *лингвистика*, *автоматический перевод* – *машинный перевод* – *компьютерный перевод*, *воспаление легких* – *пневмония*, *стачка* – *забастовка*, *поручитель* – *гарант*, *наниматель* – *арендатор*, *договор* – *контракт*, *наниматель* – *арендатор*, *ссуда* – *заем* – *кредит*, *налог* – *сбор*, *вред* – *ущерб*, *наследник* – *правопреемник*, *прогностика* – *футурология*, *шнек* – *червяк* (в одном из своих значений), безусловно, представляют терминологическую синонимию³ (а не терминологическую вариативность). В то же время ряды *свободное сочитание* – *переменное сочетание*, *склонение* – *деклонация*, *спряжение* – *конъюгация*, *аллолог* – *вариант слова*, *окаменевшая метафора* – *застывшая метафора* – “*мертвая*” *метафора*, *водянка мозга* – *гидроцефалия*, *проказа* – *болезнь святого Лазаря* – *скорбная болезнь* – *болезнь Хансена*, *страхователь* – *полисодержатель*, *проступок* – *деликт*, *восковая живопись* – *энкаустика*, *болотный газ* – *метан*, *стебель болта* – *тело болта*, *поясок оси* – *воротник оси*, *зародышевые листки* – *зародышевые пласты*, *клювовидная кость* – “*воронья*” *кость* нецелесообразно относить к синонимическим рядам: отношение равнозначности, идентичности их содержания (денотативного равенства)

³ Все из участвующих в этих рядах иностранных слов (*лексика*, *консонанта*, *гепатит*, *пневмония* и др.) входят в филологические словари (типа словаря С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой), что, безусловно, указывает на их освоенность общим лексическим фондом русского языка и, в частности, на понимание их семантики обычным носителем русского языка.

не содержится в общем узусе и для того, чтобы его установить, требуется использование специальных знаний или знакомство с особым профессиональным словоупотреблением, а после знакомства с подобной информацией требуется ее запоминание⁴. В этой связи, высоко оценивая и используя идеи А.А. Реформатского о термине как “службе двух хозяев”, о термине в *logos’е* и в *lexis’е*, мы не можем согласиться с его мнением о том, что “синонимия – явление, характеризующее термин как единицу специального знания, а совокупность синонимов очерчивает термин как единицу логоса, *logos’a*”, как данность именно соответствующей дисциплины или сферы знания и их содержания [8; 9; 10]. Синонимия вообще и терминологическая синонимия, в частности, – сфера общего языка, формируемая языковой компетенцией среднего носителя данного языка. Наоборот: денотативная равнозначность терминов (при сигнификативном расхождении) характеризует термин именно как единицу специального знания, а совокупность всех денотативно равнозначных ему (но не синонимичных!) терминов “очерчивает термин как единицу логоса” (см. ниже).

Поскольку мы полагаем важным различать то, что идет от общего языка и языкового знания, и то, что идет от профессионально-специального знания, то и обозначения для соответствующих рядов и их членов следует использовать разные. Это разграничение мы проводим как дифференциацию **терминологических синонимов** и **терминологических эквивалентов**.

2.2.2. Обратимся теперь к вопросу о **семантической вариативности терминов**, под которой обычно подразумевают различные случаи многозначности термина и их оценку, соответственно, как вариантности одного и того же термина или как функционирования различных терминов. Отметим бросающуюся в глаза особенность и сложность оценки терминологической полисемии по сравнению с той же задачей, но решаемой на общезыковом материале: ведь термины выделяются из общего лексического фонда по критерию семантическому, а именно: по выражению специального понятия какой-либо области знания, научной дисциплины и т.п. Но если это так, то различные значения одного термина, **т.е. различные понятия им, этим термином, названные**, как будто бы должны оцениваться как различные термины, сколь бы ни были близки эти значения друг к другу. А если это так, то и само

⁴ Языковые единицы соответствующих рядов, разумеется, не вступают в отношения терминологической вариативности.

явление семантического варьирования терминов представляется сомнительным или даже просто не существующим. Если руководствоваться такой логикой, то отрицание семантической вариативности термина, высказывавшееся еще в 50-е–70-е годы XX века Л.А. Капанадзе, А.А. Реформатским, Е.Н. Толикиной и др., остается как будто бы справедливым. Эта же позиция по отношению к терминологической полисемии, т.е. ее отрицание, характерна и для исследователей значительно более позднего времени и дошла до нашего времени [11; 12; 13; 6]. Так, в монографии “Общая теория термина” К.Я. Авербух пишет: “Полисемии в сфере терминов в собственном смысле нет, ибо термин как единица функциональная и имеющая тенденцию к однозначности в рамках данной терминосистемы не может иметь более чем одно значение в определенном контексте без ущерба для решения коммуникативной задачи. Все случаи отклонения от моносемичности термина описываются как **явления его неверного употребления, а отнюдь не как возможное его свойство (полисемичность)**” [12, с. 80] (выделено нами. – С.Ш.) Еще более резко высказывает эту же мысль П.С. Дацюк: “... полисемия, омонимия и синонимия не свойственны термину по определению”, а в отношении полисемии тот же автор развивает это положение следующим образом: “Каждая отдельная система понятий наделяет слово-термин одним и только одним системоприобретенным свойством – связью с одним содержанием обозначаемого понятия, исключая, таким образом, даже потенциальную возможность (одновременно) обозначать какое-либо другое понятие. Такой потенцией обладает только слово как элемент системы языка. Следовательно, **полисемия – это исключительное свойство слова, она не свойственна термину по определению**” [13, с. 6, 10] (выделено нами. – С.Ш.)

В то же время большинство исследователей терминологической лексики придерживаются прямо противоположного взгляда, описывая самый разнообразный материал терминологической полисемии, охватывающий как разнообразные области знания, так и различные языки. К их числу относятся работы [14–29] и многие другие; в учебниках по терминоведению Б.Н. Головина и Р.Ю. Кобрина, С.В. Гринева-Гриневица также содержатся специальные разделы по многозначности и полисемии терминов [30, с. 48–51; 31, с. 96–102]. Имеется и значительное число научных работ, включая кандидатские и докторские диссертации по многозначности терминологической лексики, уже в названии которых явно используются словосочетания “полисемия терминов” или “многозначность

терминов”, а сами эти работы посвящены изучению соответствующих языковых явлений (см., например, диссертационные исследования [32–35]). Более того, в некоторых из них многозначность рассматривается не только как допустимая для терминологии, но и как в целом для нее характерная, причем по ряду причин даже более характерная, чем для общей лексики. Например, Г.В. Козлова отмечает: “Многозначность, в частности полисемия – явление, характерное и естественное для терминологии”, а в дальнейшем, касаясь интересующей нас внутриотраслевой полисемии, констатирует: “При рассмотрении языковой полисемии мы сочли возможным отказаться от детального анализа феномена внутриотраслевой полисемии. Это явление широко известно, признается всеми исследователями и получило достаточное отражение в специальных словарях, где случаи многозначности такого рода давно и подробно инвентаризированы” [35, с. 9, 14]. Практика терминологической лексикографии с ее традицией указания различных значений термина в пределах одной и той же тематической области как будто бы также свидетельствует в пользу наличия у терминов полисемии.

2.2.2.1. Как объяснить столь разительное несовпадение взглядов, которые оказываются не просто различными, но – что самое существенное – противоположными и, следовательно, непримиримыми?

Чтобы подойти к решению поставленной задачи, представляется продуктивным обращение к решению вопроса о многозначности слов общего языка. На материале русского языка одно из самых убедительных и последовательных решений вопросов лексической многозначности, с нашей точки зрения, представлено исследованиями Ю.Д. Апресяна [36] (ср. более поздние издания в его же работах [37 с. 175–214; 38, с. 176–215]), где, в частности, дается дефиниция лексической многозначности и ее важнейшего частного случая – регулярной многозначности.

Приведем соответствующие дефиниции:

Слово A называется многозначным, если для любых двух его значений a_i и a_j найдутся такие значения $a_1, a_2, \dots, a_k, a_l$, что a_i сходно с $a_1, a_1 - c a_2$ и т. д., $a_k - c a_l$ и $a_l - c a_j$ ⁵.

⁵ Само сходство значений определяется следующим образом: “Значения a_i и a_j слова A называются сходными, если имеются такие уровни семантического анализа, на которых их толкования (семантические деревья) или ассоциативные признаки имеют нетривиальную общую часть, и если она выполняет в толкованиях одну и ту же роль относительно других семантических компонентов” [38, с. 186–187].

Полисемия слова A со значениями a_i и a_j называется регулярной, если в данном языке существует по крайней мере еще одно слово B со значениями b_i и b_j , семантически отличающимися друг от друга точно так же, как a_i и a_j , и если $a_i - b_i$, $a_j - b_j$ попарно несинонимичны [37, с. 186, 189].

Автору удалось в рамках лексической семантики русского языка выделить и представить компактное и строгое описание регулярной и нерегулярной полисемии русского языка, наиболее актуальным типом которой, если иметь в виду цели данной работы, оказывается регулярная полисемия существительных. Таковы регулярные актантные семантические отношения между отдельными значениями многозначных существительных типа “действие – субъект действия”: *вахта 1 – вахта 2* (*нести вахту – вахта эсминца*), *выделение 1 – выделение 2* (*выделение гноя из раны – гнойные выделения*), *замена 1 – замена 2* (*замены старых кадров – подыскать себе замену*), “состояние – причина состояния”: *развлечение 1 – развлечение 2* (*развлечения гостей – массовые развлечения*), *радость 1 – радость 2* (*наша радость – его успех – большая радость для нас*), *ужас 1 – ужас 2* (*быть в ужасе – ужасы войны*), “свойство – субъект свойства”: *авторитет 1 – авторитет 2* (*авторитет ученых – мнение авторитетов страны*), *банальность 1 – банальность 2* (*банальность слов – говорить банальности*), *бездарность 1 – бездарность 2* (*бездарность этого человека – он – совершенная бездарность*), “действие – объект действия”: *ассигнование 1 – ассигнование 2* (*ассигнование денег на строительство – большие ассигнования*), *вклейка 1 – вклейка 2* (*вклейка страницы – вырвать вклейку*), *вложение 1 – вложение 2* (*вложение в посылку писем – незаконных вложений нет*), “действие – результат действия”: *бой 1 – бой 2* (*бой посуды – стеклянный бой*), *вывих 1 – вывих 2* (*вывих голени – вправить вывих*), *выемка 1 – выемка 2* (*выемка грунта – засыпать выемку*), “действие – второй объект действия”: *документация 1 – документация 2* (*документация права на вселение – вся документация собрана*), *оборудование 1 – оборудование 2* (*оборудование лаборатории новыми приборами – новое оборудование лаборатории*), “действие – средство действия”: *грунтовка 1 – грунтовка 2* (*грунтовка холста – масляная грунтовка*), *завязка – завязка 2* (*завязка тюков – завязка для тюков*), *драпировка 1 – драпировка 2* (*драпировка комнаты – толстая драпировка*); “действие – место действия”: *вход 1 – вход 2* (*вход растянулся на много часов – у входа*), *зимовка 1 – зимовка 2* (*зимовка началась – дошел до зимовки*), *перевал 1 – перевал 2* (*начался перевал – дошли до перевала*)

и другие; всего в анализируемой работе описано 12 типов актантной полисемии. Кроме них, Ю.Д. Апресян выделяет еще 39 типов регулярной полисемии существительных, например, включающих: “растение – пищевой продукт из этого растения”: *горчица 1 – горчица 2*, *какао 1 – какао 2*, *чай 1 – чай 2*, “содержащее – содержимое”: *аудитория 1 – аудитория 2*, *завод 1 – завод 2*, *зал 1 – зал 2*, “столица государства – правительство этого государства”: *Бонн 1 – Бонн 2*, *Вашингтон 1 – Вашингтон 2*, *Лондон 1 – Лондон 2* и т.п. Интересно, что в числе иллюстраций регулярной полисемии автор приводит также несколько примеров, весьма характерных и для терминологической лексики; таковы “явление – наука, которая изучает это явление”: *грамматика 1 – грамматика 2*, *история 1 – история 2*, *морфология 1 – морфология 2*; “материал – изделие из этого материала”: *бронза 1 – бронза 2*, *гипс 1 – гипс 2*, *глина 1 – глина 2* и др. (выше приведена только незначительная часть примеров из работы [38, с. 193–203]).

2.2.2.2. При решении вопроса о терминологической полисемии мы будем руководствоваться тем же правилом, что и при оценке формальной вариативности терминов, но перенесём её на условия семантической вариативности. Как и выше, мы будем считать два термина вариантами, если при формальной и понятийной общности их специальное “понятийное ядро” совпадает, а все формальные или семантические различия между ними можно объяснить регулярными сдвигами их значения как единиц общего языка. Поскольку форма многозначной единицы одна и та же, для решения поставленного вопроса **следует оценить только соотношение ее различных значений, т.е. отношений между значениями одного и того же по форме термина.**

Если это соотношение – факт общего языка, то мы будем считать, что данный **термин полисемичен**. Соответственно, в этом случае целесообразно считать, что имеет место **семантическая вариативность (в виде полисемии) данного термина**⁶. Если же соотношение разных значений термина уникально и представляет собой особый случай

⁶ Понятие вариативности в настоящее время чаще применяется по отношению к единицам, различающимся лишь формой, но не содержанием. Нам, однако, представляется принципиально важным изучать и семантическую вариативность одной и той же единицы; в пользу существования такой вариативности говорит также и традиционный термин **лексико-семантический вариант слова** и соответствующая ему лексикографическая традиция представлять различные значения слова, не выходящие за рамки полисемии, в рамках одной и той же словарной статьи. Полагаем, что эту традицию целесообразно распространить и на вариативность термина.

многозначности специальной языковой единицы в пределах данной сферы знания, тематической области и т.п., то эти значения термина и обозначенные им понятия должны получать каждый раз собственное определение. Тогда – перед нами **разные по значению омонимичные термины**⁷, **каждый из которых требует специальной фиксации всех своих значений (посредством дефиниции, толкования или описания), но не семантические варианты одного и того же термина.**

Следовательно, все случаи терминологической полисемии, семантическое содержание которой совпадает с регулярной полисемией в общем языке, целесообразно считать **проявлением терминологической полисемии и одновременно (полисемической или полисемантической) вариативности терминов.** В частности, термин является полисемически вариативным, если два различных его значения вступают в одно из регулярных семантических отношений, описанных в работе [38, с. 176–215]. В рамках такого понимания получают обоснование хрестоматийные примеры терминологической полисемии типа “процесс – результат”, ср. *верстка* (процесс) – *верстка* (результат), *смазка* (процесс) – *смазка* (результат), *шифровка* (процесс) – *шифровка* (результат) и т.п. [17, с. 65–68].

Сказанное полностью соотносится с типологией случаев терминологической полисемии, предложенной в работе Г.В. Козловой [33, с. 12] на материале английских электротехнических терминов, в которой изучаются отношения “предмет – результат его воздействия”, “предмет, являющийся агенсом действия – объект, с ним связанный”, “предмет – его местонахождение”, “свойство – его количественный показатель” и т.п. “Полисемия характеризуется наличием у медицинского термина нескольких взаимосвязанных значений, их семантической производностью, соотношением закономерным семантическим сдвигам, регулярностью семантических отношений и моделей переноса наименования...”, – констатирует О.В. Шестак [34, с. 5]. Высказанная точка зрения согласуется и с типологией полисемичных отношений между терминами немецкой автомобильной терминологии, изученных В.А. Татариновым, который описал более 20 типов таких отношений: “действие – результат действия” (*Abbrand 1 – Abbrand 2* (обгорание – окалина)); “действие – отношение или состояние как результат действия” (*Verzahnung 1 – Verzahnung 2*

(установление зубчатого зацепления – зубчатое зацепление)); “действие – средство, орудие, источник действия” (*Anzeige 1 – Anzeige 2* (индикация – индикатор, табло))⁸; “действие – место действия” (*Auspuff 1 – Auspuff 2* (выпуск – выхлопная труба)); “действие – объект действия” (*Bereifung 1 – Bereifung 2* (монтаж шины – шина, комплект шин)) и т.д. [27; 28, с. 179–181].

Аналогичным образом включаются в объем терминологической полисемии разнообразные примеры самых разных тематических областей. Так, в юриспруденции Т.С. Пристайко, Е.А. Конопелькина, Э.В. Неженец отмечают такие ее разновидности: “действие, деятельность – результат действия, деятельности”: *акт, дипломатический акт, законодательство, минорат, кассация, резолюция, экзекуция*; “отрасль (подотрасль) права – учебная дисциплина, наука”: *гражданское право, жилищное право, коммерческое право, конституционное право, корпоративное право, международное право*; «деятельность – субъект деятельности: *администрация, арбитраж, таможенная служба, юстиция, профессиональная преступность* и др. [22, с. 128–129]. К семантической вариативности полисемичного термина относятся такие случаи, когда одно из стоящих за термином понятий получает определение, а все сдвиги этого понятийного содержания описываются стандартным образом, например, посредством лексикографических отсылок типа “субъект (носитель) свойства, обозначенного...”, “объект действия, обозначенного...”, “результат действия, обозначенного...” или “изделие из материала, обозначенного...” и т.п., т.е. посредством стандартного описания актантной полисемии. В свете сказанного получают фундамент высказывания авторов работы [22, с. 50–51] о том, что “многозначность следует рассматривать как проявление человеческой склонности к экономной систематизации в языке предметного мира”, а также следующие их положения: “В сфере специальной номинации она является не только проявлением рациональной ограниченности ресурсов терминологического потенциала, но и объективным следствием процессов познания человеком окружающего мира... Существенной чертой человеческого мышления является способность установления связей между разнообразными явлениями окружающего мира. Эти связи формируются на основе различных психологических ассоциаций, которые можно сгруппировать в два вида – ассоциации по аналогии (метафорические)

⁷ Мы не уточняем здесь, идет ли речь о различных терминах-омонимах или о нерегулярной многозначности одного и того же термина.

⁸ Сюда же автор добавляет и семантическое отношение “действие – субъект действия”.

и ассоциации по смежности (метонимические)...”; “центром семантической вариативности в терминосистеме является лексико-семантическое варьирование терминологических единиц – полисемия, к которой примыкают другие типы неоднозначности”. Сказанное относится и к явлениям терминологической полисемии в других научных дисциплинах и тематических областях, исследуемой, например, в работах [33; 34].

2.2.2.3. Согласно развиваемому подходу, как и следовало ожидать, далеко не каждая разновидность терминологической многозначности может быть отнесена к терминологической полисемии и, следовательно, к терминологической вариативности. Не останавливаясь специально на фактах терминологической омонимии, проявления которой не вступают в противоречие со сказанным выше [21; 38; 39]⁹, более подробно рассмотрим разновидности терминологической многозначности, вызванной различным пониманием одних и тех же терминов разными научными школами, направлениями, отдельными авторитетными исследователями и специалистами. В работе В.А. Татаринова эта многозначность получает название **амбисемии**, т.е. свойства термина “функционировать в языке с разным объемом семантики, свойство, которое вызывается рядом экстралингвистических факторов (использование одного термина разными научными школами, разными учеными, в разные периоды развития науки)” [27, с. 168]. Подобно тому, как не являются терминологическими вариантами индивидуально-авторские синонимы (см. выше п. I.11), не являются вариантами и терминологические единицы, связанные отношением многозначности этого типа, когда в единые по форме терминологические слова или словосочетания вкладывается совершенно различное понятийное содержание. Пример номинации термина *метр*, для которого принимается два определения (*метр 1* – 1/40.000.000 часть экватора Земли и *метр 2* – 1650763.73 длины волны в вакууме излучения, соответствующего переходу $2p_{10}$ и $5d_5$ атома криптона-86), хорошо объясняет суть дела: два этих определения “денотативно синонимичны”, но вариантами соответствующие термины, надо полагать, не являются [27, с. 173]. Аналогично, как омонимы, квалифицируются термины *масса 1* (в физике Ньютона) и *масса 2* (в физике Эйнштейна) В.М. Лейчиком, который констатирует: “Строгое формулирование положений теории относительности показало,

что главные терминологические семы терминов *масса 1* и *масса 2* настолько различны, что мы должны видеть здесь два слова-омонима, а не одно многозначное слово” [21, с. 116]. Анализируя различные источники, исследователи юридической и экономической терминологии к числу амбисемичных терминов относят также *юридическая обязанность*, *правопорядок*, *правовой статус личности*, *уголовная ответственность*, *уголовное осуждение* и др. [22, с. 120–124].

Яркий пример терминологической многозначности этого типа описан в статье Ю.Ю. Черного [41]. В ней анализируются метаморфозы понятийного содержания термина *информатика* на протяжении полувека в СССР и позднее в России, что имело и до сих пор имеет существенные административно-финансовые последствия для различных наук, и дисциплин, а также практических областей деятельности, которые связаны с обработкой информации. Амбисемия (по В.А. Татаринову) этого термина представляет собой классический случай многозначности, никак не связанный с семантической вариативностью термина¹⁰. Именно к амбисемии, с нашей точки зрения, следует отнести упомянутые выше ряды *морфемный альтернат* (американская лингвистика) – *вариант морфемы* (Г.О. Винокур) – *морфа* (Ч.Ф. Хоккет); *пустой морф* (Ч.Ф. Хоккет) – *соединительная морфема* (Н.С. Трубецкой); *нулевая суффиксация* (В.В. Лопатин, И.С. Улуханов) – *бессуффиксальный способ словопроизводства* (Н.М. Шанский), рассмотренные в работе [42, с. 182]. Сюда же справедливо включить и ряды типа *безаффиксное словообразование* – *конверсия* (термин А.И. Смирницкого) – *нулевая суффиксация* (термин Г. Марчанд) – *имплицитное словопроизводство* (термин Ш. Балли) – *несобственная деривация* (термин Н.Д. Арутюновой) из работы [19, с. 188]. Не приходится сомневаться в том, что подобные виды терминологической синонимии являются уникальным научным феноменом, а вступающие в синонимические отношения

⁹ Как представляется, основные критерии различения терминологической полисемии и омонимии должны принципиально повторять критерии различения полисемии и омонимии в общей лексике.

¹⁰ В самой статье Ю.Ю. Черного это явление устойчиво называется “полисемия” (ср. название работы “Полисемия в науке: когда она вредна? (на примере информатики)”), хотя, по-видимому, более правильно было бы говорить об омонимии: понимание терминов “информация” и “информатика” порой настолько различно, что уводит их не только в разные области знания, но даже в разные циклы наук – от программирования до лингвистики и от компьютерных наук (computer sciences) до философии.

члены не могут расцениваться как терминологические варианты.

Поэтому чрезвычайно трудно считать семантической вариантностью существенно различное понимание одного по форме термина в разных лингвистических школах, традициях и т.п. Только с очень большой (и ненужной) натяжкой можно назвать совершенно разное содержание лингвистического термина *дискурс* у Э. Бенвениста, Т. ван Дейка, З. Хэрриса, К. Пайка, Ю.С. Степанова, Н.Д. Арутюновой, А.Е. Супруна, Е.С. Кубряковой его **семантическими вариантами**, как это делает Ю.В. Сложеникина [43]. Такие, с позволения сказать, “варианты” свойственны базовым терминам многих наук и гораздо ближе к омонимии, чем к полисемии, и тем более – к семантической вариативности. Выяснение общего смыслового инварианта значений в подобных случаях, если он есть, а также организация самих значений как семантических вариантов этого общего содержания, полагаем, является делом будущих совместных лингвистических и науковедческих исследований, см. работы [44; 45]. Пока же специальный термин “амбисемия”, как допускающий его противопоставление полисемии в рамках особого случая омонимии, представляется довольно удачным для охвата соответствующего материала.

2.2.2.4. При решении вопросов семантической вариативности терминов интересно обращение авторов монографии [22, с. 53–54, 108–119] к некоторым новым явлениям, обсуждаемым лишь в литературе последнего периода. В частности, мы имеем в виду феномен семантического полиморфизма (семантической мягкости) терминов, описанного в работах [44, с. 67–87; 45]. Речь идет о семантической размытости, диффузности значения некоторых терминов, которая возникает по разным причинам и, в том числе, в силу допустимости различных интерпретаций слов общего языка, которые используются в определениях понятий, названных соответствующими терминами. Множественность различных интерпретаций (прочтений) допускают такие часто используемые в терминологических дефинициях слова и выражения, как “особый” (“особенно”, “особого рода”), “специфический”, “похожий” (“схожий”, “сходство”), “однородный”, “неоднородный”, “разнородный”, “однотипный”, “близкий”, “аналогичный”, “характерный”, “естественный”, “цельный”, “целостный”, “самостоятельный”, “неделимый”, “устойчивый”, “основной”, “главный” и т.п. Эта множественность и приводит к размытости понятийного содержания терминов, которые получают подобные определения

(дефиниции). Так, в работе [44, с. 72–78] анализируются и оцениваются как полиморфные (семантически мягкие) термины разных наук и областей знания – *морфема, предложение, геологическая формация, личность, субстанция, штамм* и др. Аналогичному анализу подвергаются юридические термины *ассоциированное государство, гражданское право, дискриминация, злоупотребление должностными полномочиями, естественное право, гражданское общество* и их определения в работе [22, с. 53–54, 108–119], где и те, и другие квалифицируются авторами как полиморфные. Если значение, слова, скажем, *подросток* зафиксировано, например, такой единственной дефиницией, что при одном ее понимании содержание слова *подросток* охватывает лиц в возрасте от 13 до 18 лет, а при другом – лиц от 14 до 16 лет, то вполне уместно говорить о полиморфности (семантической мягкости) и термина, и его дефиниции.

Свойство размытости, диффузности многих языковых значений (в том числе, и слов) – фундаментальная закономерность языковой семантики общего языка, которая онтологически предшествует семантике терминологической. С этой точки зрения, семантический полиморфизм подразумевает различные интерпретации одного и того же означающего (языкового знака), в то время как многозначность – одну и ту же (заданную, например, словарем) интерпретацию одного языкового знака при обозначении **заведомо различных вещей**. Явление полиморфности, размытости, нечеткости семантики является фундаментальным принципом лексики общего языка, существующим до и независимо от терминологии. В терминологии это явление, безусловно, редуцируется (особенно в нормативной ее части), однако отнюдь не исчезает вовсе, во-первых, и выполняет некоторую позитивную роль, во-вторых. Терминология “наследует” полиморфизм как принципиальное семантическое свойство языковых единиц, что чрезвычайно существенно для опровержения распространенного мнения о чрезвычайной “строгости” и “абсолютной точности” значения термина (подробнее см. в упомянутых наших работах). Следует согласиться с утверждением полиморфного характера значительного числа юридических и экономических терминов: ср. с высказыванием авторов о том, что “варьирование семантического объема однозначного термина может проявляться в виде понятийного полиформизма” [22, с. 49] (так в тексте! По-видимому, это опечатка, а имеется в виду понятийный **полиморфизм** – С.Ш.). Насколько нам известно, это первая в научной литературе попытка увидеть

проявление терминологической вариативности в новых, до сих пор не замечаемых аспектах функционирования терминов, и она заслуживает дальнейшего, более глубокого исследования.

2.3. Заканчивая рассмотрение различных точек зрения обоснованием собственной позиции, отметим, что обсуждается **функционирование терминологических единиц только в основной сфере их употребления**. Скорее всего, анализ тех же проявлений синонимии и многозначности в рамках общего языка с учетом проявления детерминализации приведет к иным итогам. Для изучения термина, рассматриваемого как единица общего языка, исследуемого на фоне того общего, что объединяет его со словом неспециального, литературного языка, чрезвычайно важны, например, общие семантические компоненты разных его значений, обусловленные словом общего языка. Так, согласно Инструкции для составления “Словаря современного русского литературного языка”, “отдельным словом терминологическое значение можно считать лишь при наличии полного семантического отрыва его от прочих значений данного слова и при установлении особенных структурных отношений его в системе современного языка. При отсутствии этих данных терминологическое значение не имеет права на выделение как слово-омоним” [46, с. 27–28]. В результате авторы предлагают, с одной стороны, специальные, терминологические (но используемые в общем языке!) значения слов *червяк*, *зонтик* и *челнок*, а с другой стороны, общие неспециальные значения тех же слов трактовать в рамках одной словарной статьи, т.е. как случаи полисемии. В результате мы имеем следующие словарные статьи:

Червяк. 1. Червь. 2. В технике: винт с особой нарезкой.

Зонтик. 1. Приспособление для защиты от дождя. 2. В ботанике: соцветие.

Челнок. 1. Уменьш. к чёлн. 2. Деталь швейной машины.

Более того, слова, все значения которых в общем языке терминологичны, при наличии семантической связи между отдельными терминологическими значениями, даются в одной словарной статье, например:

Лигатура. 1. Примесь меди или олова к золоту или серебру. 2. Изображение одним письменным знаком двух или более букв. 3. В медицине: материал, которым перевязывают кровеносные сосуды.

Очевидно, что стремление авторов соединить эти единицы в одну и рассматривать многозначность как полисемию одного слова оправдывается общим семантическим компонентом, важным для общего языка – ‘нечто извивающееся’ для значения слова *червяк*, ‘нечто прикрывающее сверху’ – для слова *зонтик*, ‘нечтодвигающееся то в одном, то в прямо противоположном направлении’ – для слова *челнок* и, наконец, ‘нечто соединяющее, связывающее’ – для слова *лигатура*. Однако, при рассмотрении того же материала в его специальном, собственно терминологическом значении, на фоне и в пределах так называемых языков для специальных целей (и только в таких пределах!), такое решение невозможно, а различные приведенные выше значения слова *лигатура*, разумеется, формируют **омонимы**, а не различные значения одного слова, связанные отношением полисемии¹¹.

2.4. Приведем теперь необходимые дефиниции терминов **синонимия**, **дублетность**, **эквивалентность** и **вариативность терминов**.

Синонимия терминов (терминологическая синонимия) – идентичность значения того, что обозначено этими терминами, объяснимая лексической синонимией в рамках общего языка (и, следовательно, объяснимая, например, синонимией аффиксов, синонимией синтаксических конструкций и т.п.).

Дублетность терминов (терминологическая дублетность) – разновидность синонимии терминов, при которой для обозначения одного и того же специального понятия наряду с исконным термином-словом или терминологическим словосочетанием используются терминологические слова или словосочетания, заимствованные из другого языка¹².

Эквивалентность терминов (терминологическая эквивалентность) – денотативная идентичность обозначенного этими терминами, не объяснимая фактами общего языка (например, синонимией аффиксов, синонимией синтаксических

¹¹ Этот пример В.М. Лейчик также трактует как омонимию, точнее, в терминологии автора, как межсистемную, межатраслевую семантическую омонимию [21, с. 119–120].

¹² Терминологическая дублетность достаточно логично, как можно полагать, оказывается частным случаем терминологической синонимии, ср.: “Дублетность (абсолютная синонимия) представляет собой один из видов синонимических отношений, основанных на тождестве смысловой, стилистической и дистрибутивной стороны слова... В случае отсутствия стилистических и дистрибутивных различий при тождестве понятий семантические отношения между словами приобретают дублетный характер [47, с. 148–149].

конструкций, лексической синонимией и т.п.) и устанавливаемая только путем анализа фактов предметной области или традицией номинации в ней.

Вариативность (вариантность) терминов (терминологическая вариативность (вариантность)) – соотношение ряда терминов, при котором все они имеют общность понятийного содержания, обусловленную определением (толкованием или объяснением) одного из них, а понятийное содержание остальных терминов может быть объяснено преобразованиями (трансформациями) языковой структуры этих терминов как производных от того, который имеет определение (толкование или объяснение), причем соответствующие преобразования имеют место и в общем языке¹³.

Итак, **терминологическая эквивалентность** лежит в плоскости специального знания, порожденного той или иной дисциплиной, предметной областью, или в плоскости исторической традиции принятых здесь способов номинации. Как таковая, терминологическая эквивалентность никак не представляет языковой синонимии и имеет только косвенное отношение к синонимии в общем языке – благодаря факту совпадения для различных номинаций их денотатов, но не понятий. Одно из ярких проявлений терминологической эквивалентности – соотношение научных названий веществ и соединений в химии, названий видов, родов и семейств растений в биологии, с одной стороны, и названий тех же “субстанций” в области их практического использования – в торговле, в медицине, в производстве (ср. приведенные выше примеры В.М. Лейчика: *алкилен – алкен, гексаметилентетрамин – уротропин, лавсан – полиэтилентерефталат – терепласт*). Этот вид “знаковой равнозначности” не остался вне поля зрения лингвистов и имеет свою библиографию. Одной из последних работ, в которой исследуется соотношение научных названий растений (фитонимов) и торговых или фармакологических названий тех же растений на французском материале (в работе имеется краткая библиография некоторых исследований в этой области, в частности, применительно и к русскому языку), является статья М.Н. Лазаревой. Исходя из того, что “растительный мир является объектом изучения не только фундаментальной науки – ботаники, но и прикладных наук и, в частности, фармакогнозии”, автор анализирует хитросплетения соотношений различных

названий, вообще говоря, одних и тех же растений. Приведем важную цитату, подводящую итог этому исследованию: “Ботанический термин не только называет предмет, но и представляет его в знании. Функции фармакогностического термина более ограничены и заключаются, главным образом, в том, чтобы по возможности более точно и однозначно назвать предмет для практических целей, не указывая на его место в системе теоретического знания и, следовательно, не раскрывая его биологической сущности” [48].

Возвращаясь к **терминологической вариативности**, отметим, что предложенное ее понимание допускает в качестве частного случая все возможности фонетического, графического, морфологического, словообразовательного и синтаксического варьирования терминов, часть из которых обсуждалась выше (например, в рядах: *бульдозерчик – бульдозерист, федерирование – федерализация, аккредитирование – аккредитация, бенефициар – бенефициарий, приращение – прирост, запрещение – запрет* и т.п.). Как синонимичные можно рассматривать и синтаксические варианты *бурение взрывом – взрывное бурение, тележка крана – крановая тележка, корзина для мусора – мусорная корзина* из учебного пособия [31, с. 106–107], *наложение морфем – морфемное наложение, префиксальный способ словообразования – способ префиксального словообразования, исходное слово словообразовательного гнезда – исходное слово в словообразовательном гнезде, основосложение – сложение основ, окончание-суффикс – суффикс-окончание, приставка-предлог – предлог-приставка* [7] или рядов юридических терминов типа *вексель с авалем – авалированный вексель, суд по счетам – счетный суд, правовые нормы – нормы права, адвокатская коллегия – коллегия адвокатов, судебное постановление – постановление суда, товарная номенклатура – номенклатура товаров* и т.п. (см. [22]). Все эти примеры можно трактовать и как синонимии соответствующих единиц, наблюдая, таким образом, случаи **одновременной вариативности и синонимии терминов**.

Возникает закономерный вопрос о том, **всегда ли терминологические варианты являются одновременно и терминологическими синонимами?** Или – другими словами – **не является ли явление вариативности терминологии частным случаем ее синонимии**¹⁴?

2.4.1. Интересно, с этой точки зрения, обратиться к материалу, который при решении

¹³ К таким преобразованиям могут относиться замена аффикса на синонимичный, замена одной синтаксической конструкции другой, синонимичной ей, добавлением служебных слов и т.п.

¹⁴ Такой взгляд соответствует, как было показано выше, точке зрения С.В. Гринева и содержанию монографии [23].

вопроса о терминологической вариантности, насколько известно, не рассматривался. Мы имеем в виду терминологические единицы и соотношения между ними в рядах *содержательное варьирование морфем – морфемы, варьирующиеся содержательно – содержательность варьирования морфем; грамматическая группировка лексических единиц языка – лексические единицы языка, сгруппированные грамматически – грамматическая сгруппированность лексических единиц языка; фонетически обусловленное аллофонное чередование – фонетическая обусловленность аллофонного чередования (языкознание); параллельная прямая – параллельность прямых – прямая, параллельная (другой) прямой; разложимый оператор – разложимость оператора – разложение оператора, обратная матрица – обратимость матрицы – обращение матрицы – матрица, обратная для (другой) матрицы (математика); обезвреженный буровой шлам – обезвреживание бурового шлама – обезвреженность бурового шлама (нефте-, газо- и угледобыча); пропускаемый ток короткого замыкания – пропускание тока короткого замыкания – пропускаемость тока короткого замыкания (электротехника) и т.п.*

Очевидно, что количество соответствующих рядов и терминологических единиц этих рядов в самых различных тематических областях и научных дисциплинах огромно. Особенно многочисленные ряды этого типа характерны для синтаксически мотивированных двух- и более словных терминологических словосочетаний; снова приведем примеры из лингвистики, где таковыми являются, например, *глагольная синонимия – синонимичность глаголов – глагол, синонимичный (другому) глаголу – синонимизация глаголов; выражение смысловой связи между словами – выраженная смысловая связь между словами – выраженность смысловой связи между словами – смысловая связь, выраженная между словами – выражение связи между словами по смыслу – выраженная связь между словами по смыслу; синтаксическая обособленность слова – слово, обособленное синтаксически – слово, синтаксически обособленное – обособленное синтаксически слово – синтаксическое обособление слова – синтаксически обособленное слово и т.п.*

Ясно также, что все члены подобных рядов **не являются синонимами**, хотя бы потому что они представляют единицы с различным категориальным значением – категориальным значением предмета (*прямая, параллельная (другой) прямой, глагол, синонимичный (другому) глаголу*), категориальным значением свойства (*параллельность*

прямых, разложимость оператора, синтаксическая обособленность слова), категориальным значением процесса (*обращение матрицы, синтаксическое обособление слова, синонимизация глаголов*), категориальным значением отношения (*глагольная синонимия*). В то же время у всех них есть **общее специальное понятийное содержание**, которое, будучи выраженным в одном из терминологических компонентов этого ряда, обычно получает определение, например:

Прямые называются параллельными, если и только если...;

Матрица (А) называется обратной для матрицы (В), если и

только если ...;

Оператор называется разложимым, если и только если...;

или

Грамматическая группировка лексических единиц языка – это выделение в лексике языка определенных групп или разрядов лексических единиц, характеризующихся...;

Фонетически обусловленное аллофонное чередование – это чередование, в которое вступают альтернанты...;

или

Обезвреженный буровой шлам – это буровой шлам, обработанный с целью удаления из него веществ...

Аналогичное явление мы наблюдаем на материале терминологической лексикографии разных научных областей и языков. Так, в некоторых терминологических словарях и пособиях по математике вокабулой, заголовочным словом (входной единицей) является только одно существительное или именное словосочетание, а собственно в дефиниции, “на выходе”, может использоваться другая форма, например:

Вогнутость кривой. Кривая $f(x)$ называется вогнутой в точке, если *Возрастание функции в точке. Функция $y = f(x)$... называется возрастающей* в точке, если *Компактность. Множество M ... называется компактным*, если ... [49].

В подобных случаях оказывается достаточным привести дефиницию лишь одного представителя терминологического ряда *вогнутая кривая – вогнутость кривой, возрастающая функция – возрастание функции* и т.п., а семантические отношения внутри него, не имея отношения к самому математическому знанию, выражаются согласно

морфологическим и синтаксическим моделям конкретного языка и характеризуют соответствующий термин и его синтаксическую форму именно как единицу данного языка, ср. например, *легко видеть, что кривая вогнутая; заметим, что функция, возрастающая в точке...; докажем компактность множества* и т.п. В терминологическом словаре, ориентированном на понятийную систему данной области знания, нет необходимости иметь “на входе” все вариативные формы: достаточно определить лишь ту единственную форму, которая требует своей дефиниции в данной предметной области. Поэтому для английского и французского языкового материала в математических терминологических словарях имеем:

Converge (v). A series is said to **converge** when *Inscribed* (adj). A figure having vertices is said to **be inscribed** if ...;

Isotrope. Soit E un espace vectoriel sur un corps commutatif K muni d'une forme bilinéaire symétrique S... . On dit qu'un sous-espace vectoriel E' de E est **isotrope** si ...¹⁵.

В то же время чрезвычайно важно, что другие терминологические единицы того же ряда не получают определений (дефиниции) ни в текстах, ни в толковых терминологических словарях. Если согласиться с тем, что эти единицы также являются терминами, не синонимичными данным (с нашей точки зрения, это так и есть), то спрашивается: почему же они не имеют определений или каких-либо объяснений?

2.4.1.1. Чтобы правильно оценить подобный терминологический материал, заметим, что аналогичные семантические отношения в общем языке давно привлекает внимание лингвистов, выработавших специальный понятийный и терминологический аппарат для изучения соответствующих явлений. Так, еще в 20-х гг. XX века Ш. Балли и О. Есперсен отметили семантические отношения между одной и той же внеязыковой ситуацией, которую говорящий представляет в речи по-разному. Последний из них, в частности, ввел понятие **нексуса** и **юнкции** для обозначения семантико-синтаксического отношений

в парах *собака лает – лающая собака, дом строится – строящийся дом, роза красная – красная роза* и предложил зависимое слово в нексусной конструкции называть аднексом, а в юнктивной конструкции – адъюнктом [51, с. 136–187]. Заметим, что в этих примерах сопоставление возможно при привлечении большего языкового материала: противопоставляться могут не только нексус и заданная юнкция, но и различные юнкции, ср. *лающая собака – лай собаки, строящийся дом – строительство (постройка) дома, красная роза – краснота розы* и т.п.

В дальнейшем к этому языковому материалу были привлечены и другие факты “ситуативно идентичных” обозначений в языке, – как изучавшиеся и ранее **залоговые отношения**, так и изучавшиеся уже после работ Ш. Балли и О. Есперсена **конверсивы** (см., например, публикации [38, с. 256–263; 52]), **корреляты** [53, с. 85–87] и другие подобные лексико-синтаксические явления [54].

По-видимому, в самом общем плане речь идет о номинации с различных сторон некоторой единой ситуации или “положения дел в мире” (Sachverhalt, по Л. Витгенштейну [55, положение 2.225]), причем различные обозначения получают и ситуация в целом, и различные ее участники (партиципенты). При этом, хотя различные обозначения выделяют, подчеркивают различные части этой единой ситуации, все они к ней “денотативно привязаны”. Вопросы лингвистического описания соответствующих явлений в наиболее общем виде, вероятнее всего, были намечены авторами пионерских работ по машинному переводу начала 60-х гг. XX века А.К. Жолковским, Н.Н. Леонтьевой и Ю.С. Мартемьяновым [56; 57], где подобные соотношения осмыслились в терминах различного **подчеркивания участников одной и той же ситуации**. Способы формализованной записи различного содержания обозначений этой ситуации, записи, делающей явной и общность, и различие смысла подобных обозначений, представлены в работах Ю.С. Мартемьянова [58, с. 83–136]. Позже эти языковые явления были обобщены с помощью термина **коммуникативного режима семантических отношений** и стали охватывать и конструкции *работа сотрудника; работа, выполняемая сотрудником; работающий сотрудник; сотрудник, выполняющий работу, выполнение работы сотрудником* и т.п. [59].

Вернемся теперь к вопросу об отсутствии как будто бы необходимых дефиниций терминов в рядах типа *параллельные прямые – прямая,*

¹⁵ Ф.А. Циткина, анализируя вопрос о характеристике терминов как частей речи, приходит к аналогичным выводам и в качестве иллюстраций различных форм “терминологического существования” одной и той же ситуации приводит следующие примеры из математической области: *r well orders x – r вполне упорядочивает x, x, упорядоченное (посредством) r, r; вполне упорядочивающее x, r is connected in x – r связано в x, r, связанное в x, x, связывающее r* и т.п. [50, с. 13].

параллельная прямой – параллельность прямых или *агглютинативные суффиксы – агглютинативность суффиксов – агглютинация суффиксов – агглютинирующие суффиксы* или *синонимичные прилагательные – синонимичность прилагательных – синонимизирующие прилагательные* и т.п. Мы полагаем справедливым следующий ответ на этот вопрос: члены соответствующих рядов представляют собой терминологические варианты и как таковые все они (кроме одного) не нуждаются в дефиниции, т.к. их семантика обусловлена механизмом общего языка, его морфологией и синтаксисом. Регулярность выполняемых в общем языке лексико-синтаксических преобразований, которые необходимы для номинативного выделения то одного, то другого участника одной ситуации, свидетельствует в пользу **вариативности соответствующих терминологических единиц**. Используя понятия и термины О. Есперсена – Ш. Балли можно было бы говорить о том, что к терминологическим вариантам-словосочетаниям относятся **различные адьюнкты одной и той же ситуации**, обозначенной терминами; в понятиях и терминах работ [56; 57] следовало бы сказать, что терминологические варианты могут быть также представлены различными **семантическими подчеркиваниями** различных участников одной и той же ситуации¹⁶; в обозначениях работы [59] – говорить о том, что термины словосочетания могут быть представлены – различными **коммуникативными режимами** одних и тех же **семантических отношений**.

Этот, насколько нам известно, не описанный в научной литературе тип терминологической вариативности¹⁷ ясно показывает, что вариативность терминов не является частным случаем синонимии; саму же вариативность типа *параллельные прямые – прямая, параллельная прямой – параллельность прямых, агглютинативные суффиксы – агглютинативность суффиксов – агглютинация суффиксов – агглютинирующие суффиксы, обезвреженный буровой шлам – обез-*

вреживание бурового шлама – обезвреженность бурового шлама назовем **категориальной вариативностью терминов**¹⁸.

Таким образом, вариативность терминов может представлять собой факты терминологической синонимии, а синонимия терминов, в свою очередь, может охватывать и терминологические варианты. В то же время в рамках предлагаемых допущений необходимо признать: в общем плане **вариативность терминов и их синонимия не связаны родовидовыми (гиперо-гипонимическими) отношениями; ни синонимия терминов не является частным случаем их вариативности, ни вариативность не является частным случаем синонимии**. Имеются все основания полагать, что порой явление языковой вариативности не сводится к фактам тождественности либо формы при нетождественном содержании, либо содержания при нетождественной форме. Как частный случай вариативность может включать также соотношения языковых единиц не тождественных ни по форме, ни по содержанию, когда, однако, общезыковая регулярность самих изменений в том или другом обеспечивает единство сугубо функциональной единицы и прогнозируемость ее модификации. В целом идея перенесения критериев и методов разграничения регулярной и нерегулярной полисемии с общей лексики на терминологический материал и связанное с этим решение вопроса о **терминологической вариативности** требуют дальнейшей разработки и возможной модификации. Применимость этой идеи к актантной многозначности термина для установления его полисемии и, соответственно, констатации терминологической вариативности нам представляется очевидной. В других случаях разграничение регулярной семантической полисемии и многозначности, приводящей к терминологической омонимии, существенно зависит от строгости и объективности семантического описания всех значений термина, во-первых, и требует специальных исследований и проверки их результатов, во-вторых.

В целом же, уточнение соответствующих понятий и стоящая за этим уточнением совокупность взглядов, как нам представляется, намечает новые, перспективные пути исследования терминологической вариативности¹⁹.

¹⁸ В данной работе мы не решаем вопрос о семантической или семантико-синтаксической производности одного варианта от другого.

¹⁹ Автор выражает глубокую признательность за критические замечания и советы доктору филологических наук Л.П. Крысину.

¹⁶ Подчеркивание различных участников одной и той же ситуации может быть связано с синтаксическими преобразованиями соответствующего обозначения, но в общем случае это необязательно: ср. такие актуальные для языкознания терминологические примеры, как *синонимия – синоним, антонимия – антоним, омонимия – омоним, но полисемия – ?* Впрочем, в последнем случае все чаще используется термин *полисемант*, что приводит к семантически аналогичной паре *полисемия – полисемант*.

¹⁷ Нам известна лишь одна работа, идея которой близка к высказанным мыслям о расширении состава терминологических вариантов одного и того же термина; это статья [60], в которой используется понятие **терминемы** с близким, хотя и не совпадающим, смыслом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бабенко Н.С., Володарская Э.Ф., Кириленко Е.И., Крючкова Т.Б., Селиверстова О.Н., Семенюк Н.Н.* К теории вариантности: современное состояние и некоторые перспективы изучения // Вопросы филологии. 2000. № 2 (5). С. 8–19.
2. *Шелов С.Д., Цумарев А.Э.* О парадигматических отношениях в терминологии: вариативность и синонимия // Язык. Культура. Речевое общение. 2013. № 2. С. 42–59.
3. *Солнцев В.М.* Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. 1984. № 2. С. 31–42.
4. *Солнцев В.М.* Вариантность // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 80–81.
5. *Граудина Л.К.* Варианты языковые // Энциклопедия “Русский язык”. М., 1997. С. 61–63.
6. *Граудина Л.К.* Варианты языковых единиц // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. М.: Флинта, Наука, 2003.
7. *Маринова Е.В.* Синонимия и вариантность в лингвистической терминологии: На материале терминов морфемики и словообразования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 1998. 26 с.
8. *Реформатский А.А.* Что такое термин и терминология? М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1959. 14 с.
9. *Реформатский А.А.* Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. 1967. М., 1968. С. 103–125.
10. *Шелов С.Д.* О семантике термина (математический термин в логосе и в лексисе) // Вопросы информационной теории и практики. Вып. 46. М.: ВИНТИ, 1981. С. 3–17.
11. *Авербух К.Я.* Терминологическая вариативность: теоретический и прикладной аспекты // Вопросы языкознания. 1986. № 6. С. 38–49.
12. *Авербух К.Я.* Общая теория термина. Иваново: Изд. центр “Юнона”, 2004. 252 с.
13. *Дацюк П.С.* Системообразующие и системопробретенные свойства термина (на материале английских терминов в области физики полупроводников): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Львов, 1989. 16 с.
14. *Алексеева Л.М.* Проблемы термина и терминологического образования: Учеб. пособие по спецкурсу. Пермь: Изд-во Пермск. ун-та, 1998. 120 с.
15. *Алексеева М.О.* Терминология русского православия (семасиологический и ономасиологический аспекты): Монография. М.: Изд-во МБА, 2011. 304 с.
16. *Войцева Е.А.* Процессы детерминализации в русском языке: семантико-стилистическая характеристика существительных сферы искусства, военной и конфессиональных областей (на материале письменности XVIII–XX вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1989. 16 с.
17. *Даниленко В.П.* Русская терминология (Опыт лингвистического анализа). М.: Наука, 1977. 246 с.
18. *Иванова Г.А.* К проблеме синонимии и вариантности в терминологии // Вестник Нижегородского университета им. Н.Н. Лобачевского. Сер. Филология. Вып. 1. Нижний Новгород: НГУ, 2005. С. 104–109.
19. *Иванова Г.А.* О семантической эквивалентности терминологических единиц (на материале метаязыка лингвистики) // Терминология и знание. Материалы II Межд. симпозиума. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2010. С. 181–191.
20. *Лейчик В.М.* Термины-синонимы, дублеты, эквиваленты, варианты // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1973. Вып. 2. С. 103–107.
21. *Лейчик В.М.* Семантическая омонимия и многозначность в сфере терминов // Лексика и лексикография: Сб. науч. трудов. М., 1991. С. 115–121.
22. *Пристайко Т.С., Конопелькина Е.А., Неженец Э.В.* Очерки по русской терминологии экономики и права: Монография / Под общей ред. Т.С. Пристайко. Днепропетровск: Нова ідеологія, 2011. 303 с.
23. *Прохорова В.Н.* Семантика термина // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1981. № 3. С. 23–32.
24. *Прохорова В.Н.* Русская терминология (лексико-семантическое образование). М.: Филологический факультет МГУ, 1996. 125 с.
25. *Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В.* Общая терминология. Вопросы теории. М.: Наука, 1989. 246 с.
26. *Татаринев В.А.* Лексико-семантическое варьирование терминологических единиц и проблемы терминологии. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1988. 24 с.
27. *Татаринев В.А.* Теория терминоведения: В 3-х т. Т. 1. Теория термина: история и современное состояние. М.: Московский лицей, 1996. 311 с.
28. *Шевчук В.Н.* Эллипсис как форма структурного варьирования терминологического словосочетания // Сб. научн. трудов МГПИИЯ. Вып. 210. М., 1963. С. 185–198.
29. *Шевчук В.Н.* Военно-терминологическая система в статике и динамике: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1985. 48 с.
30. *Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю.* Лингвистические основы учения о терминах: Уч. пос. для филол. спец. вузов. М.: Высш. шк., 1987. 104 с.
31. *Гринев-Гриневич С.В.* Терминоведение: Уч. пособие для студ. высш. уч. заведений. М.: Изд. центр “Академия”, 2008. 304 с.
32. *Козлова Г.В.* Полисемия научно-технического термина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980. 18 с.

33. Шестак О.В. Полисемия терминов медицинских наук: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2000. 19 с.
34. Трифонова Е.Н. Полисемия банковских терминов в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2004.
35. Зимовая М.В. Многозначность в терминологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел: ОГУ, 2011. 19 с.
36. Апресян Ю.Д. О регулярной многозначности // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXX. Вып. 6. М., 1971. С. 509–523.
37. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 367 с.
38. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика / 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа “Языки русской культуры”, 1995. 472 с.
39. Лазухина С.С. Омонимия фразеологизмов и терминологических словосочетаний в современном русском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. Челябинск: ЧГУ, 2006. 22 с.
40. Чернышова Л.А. Антропологические аспекты современной отраслевой терминологии (на материале терминологии железнодорожного транспорта): Автореф. дис. ... филол. наук. М.: МГОУ, 2011. 41 с.
41. Чёрный Ю.Ю. Полисемия в науке: когда она вредна? (на примере информатики) // Открытое образование. М., 2010. № 6. С. 97–107.
42. Рацибурская Л.В., Иванова Г.А. Прагматические аспекты синонимии терминов морфемики и словообразования // Терминология и знание. Материалы I Международного симпозиума. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2009. С. 179–188.
43. Сложеникина Ю.В. Термин: живой как жизнь (почему термин может и должен иметь варианты) // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 5 (Эл. доступ <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/5/Slozenikina>).
44. Шелов С.Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2003. 280 с.
45. Leitchik V.M., Shelov S.D. Commensurability of Scientific Theories and Indeterminacy of Terminological Concepts // Indeterminacy in terminology and LSP: Studies in honour of Heribert Picht / Ed. by B.E. Antia. Amsterdam: John Benjamin's Publishing House, 2007. P. 93–106.
46. Инструкция для составления “Словаря современного русского литературного языка (в трех томах)” / Общ. ред. С.Г. Бархударова и А.П. Евгеньевой. М.: Ин-т языкознания, 1953. 94 с.
47. Иванникова Е.А. К вопросу о взаимоотношении понятия варианта с понятием синонима // Синонимы русского языка и их особенности. М.: Наука, 1972. С. 138–153.
48. Лазарева М.Н. Когнитивный аспект структурно-семантической организации фитонимов в прикладной науке (на материале французского языка). // Терминология и знание. Материалы III Международного симпозиума. М.: ИРЯ РАН 2013. С. 283–294.
49. Толковый словарь математических терминов / [О. В. Мантуров, Ю. К. Солнцев, Ю. И. Соркин и др.]; под ред. проф. В.А. Диткина. М.: Просвещение, 1965. 98 с.
50. Диткина Ф.А. Терминология и перевод: К основам сопоставительного терминоведения. Львов: Вища шк., 1988. 157 с.
51. Есперсен О. Философия грамматики / Пер. с англ. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 404 с.
52. Добричев С.А. Конверсные отношения в современном английском языке: Автореф. дис. ... д. филол. наук. М.: МПГУ, 2005. 40 с.
53. Никитина С.Е. Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике / Автоматическая обработка текста. М.: Наука, 1978. 375 с.
54. Никитина С.Е., Васильева Н.В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. М.: Рос. акад. наук, Ин-т языкознания, 1996. 172 с.
55. Витгенштейн Л. Избранные работы / Пер. с немецкого и английского В. Руднева. М.: Изд. дом “Территория будущего”, 2005. 440 с.
56. Жолковский А.К., Леонтьева Н.Н., Мартемьянов Ю.С. О принципиальном использовании смысла при машинном переводе // Труды Института точной механики и вычислительной техники АН СССР. Вып. 2: Машинный перевод. М., 1961. С. 17–46.
57. Жолковский А.К. Предисловие // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 8. 1964. С. 3–16.
58. Мартемьянов Ю.С. К описанию текста: язык валентно-юнктивно-эмфазных отношений // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 13. Часть I. М., 1970. С. 89–116; Вып. 14. Часть II. М., 1971. С. 43–70 (переизд. в работе: Мартемьянов Ю.С. Логика ситуаций. Строение текста. Терминологичность слов. М., 2004. С. 211–264).
59. Шаляпина З.М. К проблеме коммуникативной организации текста и ее отражения в семантической записи // Вычислительная лингвистика. М.: Наука, 1976. С. 53–80.
60. Скуиня В.П. Об отношении к частям речи в терминологии и о понятии терминемы // Научно-техническая терминология. 1988. Вып. 12. С. 5–8.